ГЕННАДИЙ КУМОХИН

СЕМЬ ЖИЗНЕЙ ОДНОГО МЕНЯ

ОТЕЦ

Геннадий Вениаминович Кумохин

Семь жизней одного меня. Отец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71516881
SelfPub; 2025

Аннотация

Эта публикация – дань памяти моему отцу – лишь малая часть нашего долга перед победителями, прошедшими Великую войну. Благодаря им наше поколение, хоть и не знало особого достатка, но жило в основном под мирным небом. А теперь поколению наших детей предстоит снова воевать за будущее последующих поколений.

Автор является собственником архива фотографий, используемых для обложек книг.

Геннадий Кумохин
Семь жизней одного меня. Отец

Ощущение непреходящей ценности каждого мгновения человеческой жизни сопровождает меня давно, но впервые оно возникло, лет тридцать назад, когда мы с пятнадцатилетней дочерью сидели теплым вечером на завалинке деревенского дома на хуторе Криничном и слушали рассказы отца.

И я с отчетливой ясностью понял одну, казалось бы, очень простую истину: пройдет еще несколько лет, и уже некому будет вспоминать о службе на Дальнем Востоке в предвоенные годы, потому что не будет ни отца, и, вообще, никого, кто бы мог вспомнить то время.

А затем, я подумал и о себе, что вот так же и я, спустя какое-то время, окажусь в числе тех, кто будет вспоминать прожитое и так же, как мой отец, пересказывать в очередной раз своим близким. А потом не станет и меня, и исчезнет и мой мир вместе со всеми, кого я любил, и кто, быть может, любил и меня.

Теперь о самом материале. По размышлению, понял, что писать о своем раннем детстве в общем-то нечего, а то, что я помнил, так или иначе связано с отцом. Поэтому я решил, что, рассказывая об отце, не буду выделять отдельные главки

о себе.

Зато постараюсь как можно тщательнее представить, каким он был, начиная с самого детства.

Этот рассказ отца я записал уже много лет назад, но публикую только сейчас.

Венька

Матерый заяц русак, прихрамывая, бежал вдоль крутого склона, а ему наперерез лихо скользил по глубокому снегу на лыжах маленький охотник. В руках у него старинное ружье – берданка двенадцатого калибра, доставшееся ему в наследство от старшего брата. Свистел ветер в ушах, но охотник почти ничего не видел, кроме приближающейся спинки зверька. Почувствовав, что его догоняют, заяц начал забирать вправо, вниз по склону, но расстояние между ними все сокращалось.

И вот уже считанные метры отделяли добычу от охотника. Мальчик вскинул ружье к плечу. Выстрел!

Сквозь облако сизого дыма, образовавшегося от разрыва пороха, охотник видел, как горстка дроби вскинула фонтанчик снега чуть впереди зверька. Заяц прыгнул в сторону и убегал все дальше и дальше.

Промазал!

Сильная отдача ударила мальчика в плечо. Как подкошенный, Венька кубарем полетел в снег. Остановившись, начал осторожно шевелить ногами. Вроде, целы. Поднял лыжи над головой. Как будто, тоже. Но какое это имеет значение теперь, когда ушла такая добыча!

На лице его таял снег, а, может быть, это были слезы? Мальчик отряхнулся и, став на лыжи, поднялся на горку, где

подобрал шапку и ружьё. Ствол был забит снегом, и Венька долго выковыривал его сломанной веточкой, а затем старательно протирал специально запасенной промасленной тряпочкой. Наконец берданка снова была приведена в «полную боевую готовность». Так учил его старший брат Алексей.

– Венька, – говорил он, – пуще глаза береги нашу берданку. А она тебя не подведет.

Покончив с уходом за ружьем, Венька закинул берданку на ремне за спину и поднялся наверх, туда, где пробежал заяц. Некоторое время шел параллельно его следам. Несмотря на юный возраст, мальчик был уже опытным следопытом и легко читал, что происходило на снегу. След левой задней лапы русака был смазан и слегка розовел. Все правильно, значит, это его подранок, за которым он следует с самого утра. Сейчас заяц уже далеко, но Венька знает, что зверек пробежит еще версты три, а потом сядет где-нибудь, вон за теми дальними кустами. Заяц устал, и к тому же он довольно серьёзно ранен. Венька решил, что попробует обойти зайца с подветренной стороны. У него оставался последний патрон, и, чтобы использовать его, нужно приблизиться к русаку до верного выстрела, а не палить без толку. О том, что он сам тоже устал и здорово проголодался, мальчик старался не думать.

Венька живет на хуторе с матерью и ее братом-инвалидом. Для своих тринадцати лет, он, пожалуй, маловат ростом и выглядит щуплым. Волосы у него курчавые, русые. У маль-

чика тонкие черты лица и по-девичьи нежная кожа. Когда Венька смущается, щеки его заливаются алой краской. Однако чувствуется в нем какая-то внутренняя сила, которая еще не раскрылась, но угадывается в способности мальчика идти целый день на лыжах, ночевать в стогу и питаться мороженой ягодой.

– Бывало и похуже,– смутно вспоминает он голодные годы, когда умерли три его старших брата, а он все-таки дождался матери, ушедшей верст за семьдесят менять самодельные перочинные ножи на продукты. А сейчас он чувствует себя совсем взрослым.

Три года назад единственный старший брат, уезжая в город, подарил ему старую берданку. И с тех пор большую часть года мальчишку днем с огнем дома не сыщешь. Зимой еще так-сяк. А чуть весна – его и дух простыл. Даже мерзлой картошкой – единственным продуктом, остающимся к этому времени дома – его не привлечешь. В поле пробилась нежная салатовая травка. Венька сызмальства отлично знает, как найти самую вкусную: щавель, дикий чеснок, лук, хвощ.

Летом старое ружье надолго вешается на крючок – деревенские охотники свято чтут вековые охотничьи законы. Зато летом грибы и ягоды. Венька иногда приходит домой ночью, а ежели и вовсе не придет, за него и не волнуются.

Поле и лес для Веньки – лучшие друзья. Приятелей-одногодков поблизости нет, а в соседнюю деревню лучше не соваться – побьют. Тамошние ребята известные драчуны. Да не

только мальчишки. Случалось, и мужики выдергивают колья из плетня и бьются смертным боем деревня на деревню.

А Веньке и одному не скучно. Иногда только возьмет его на уток дядька Михаил. Он инвалид. Вместо одной ноги у него деревянный костыль – с тех пор, как вернулся домой с японской войны. В шалаше на зорьке ему посидеть можно, а по снегу за зайцем – не ходок. Зато вечером за утиной похлебкой Венька внимательно слушает рассказы о повадках зверей и птиц, слушает и жадно вбирает охотничью мудрость.

В тот день пороша закончилась поздно утром. Надежды на то, что найдет хоть чьи-нибудь следы, не было почти никакой. Но, тем не менее, Венька не утерпел и вышел в поле на лыжах. За спиной на ремне висела верная берданка, в кармане три патрона. Свежий след встретился почти сразу. Заячий след ни с чем не спутаешь: цепочка глубоких лунок – два следа на одном уровне, два немного врозь. Пока шел снег, зайчишка под шумок глодал кору яблоней в колхозном саду. Потом убежал в поле и долго петлял, запутывая следы. Сделал скидку, другую и залег на опушке леса. Проснулся он от едва слышного поскрипывания полозьев – рядом шел человек.

Когда в двух шагах от Веньки над кустом беззвучно взлетел здоровенный заяц, мальчик вздрогнул от неожиданности и едва не выстрелил «в лет». Заяц упал в снег и стремглав бросился наутек. Вслед ему прогремел выстрел. Зве-

рек пронзительно закричал, но еще стремительнее запрыгал дальше.

Ушел! Когда дым от выстрела рассеялся, мальчик открыл винтовочный затвор берданки, вынул стреляную гильзу, от которой остро пахло пороховой гарью, и вставил новый патрон. Пройдя еще немного, он заметил обильные капли крови, остающиеся на следах.

– Подранок потеряет много крови и далеко не уйдет. Догоню его еще затемно, – решил мальчик и ходко побежал по хорошо видному следу. Однако, то ли рана оказалась не такой серьезной, как он предполагал, то ли заяц оказался двужильным – Венька все бежал и бежал, а заяц отбегал и снова ложился, но на выстрел не подпустил ни разу. Так кружили они, уходя все дальше и дальше от хутора, пока не начало темнеть. Когда на сером насте снега следы совсем исчезли, Венька начал подумывать о ночлеге.

Ночь обещала быть ясной и морозной – в темной вышине холодно мерцали звезды, и полная луна, поднявшаяся высоко над лесом, была окружена серебряным нимбом. Где-то неподалеку было село. Идя по следу, Венька заметил за пригорком какие-то строения. Скоро показались слабые желтые огоньки в окнах домов, и, пройдя еще немного, он вышел на задний двор крайней избы. Залаяли собаки, одна, другая – отчаянно, зло, но подходить близко боялись – прижимались поближе к сеням.

Наконец скрипнула дверь, и на порог вышел хозяин – бо-

родатый мужик с керосиновой лампой в руке.

– Кто там? – спросил он настороженно и поднял лампу над головой.

– Дяденька, пустите переночевать, охотник я, заплутал малость, – жалобно попросил Венька.

– Цыц, вы,– прикрикнул мужик на собак.

– Да подойди поближе, один ты, что ль? – обратился он к Веньке.

– Один.

В избе был полумрак. Хозяин прикрутил фитиль, и желтый огонек едва пробивался сквозь закопчённое треснувшее стекло лампы. Венька обтер лыжи в сенях, поставил ружье к стене, скинул братнин кожух и шапку и смиренно присел на краю лавки, поближе к огню. От русской печи, занимавшей верные полкомнаты, шел блаженный жар.

– Иззябся, небось, – сказала хозяйка, – есть будешь?

Венька сел к столу и, стараясь не показывать, что голоден, принялся очищать вареную картошку в мундире. Клубни были теплые, только что из чугуна. Посыпанные солью они были несказанно вкусны и буквально таяли во рту.

– Ты чей? – спросил хозяин.

– Кумохин я, с хутора.

– А-а!

Мальчик поблагодарил хозяев, взобрался на указанные хозяйкой полати и мгновенно уснул. Проснулся Венька затемно. Все еще спали. Был слышен только храп хозяев и ти-

хое мычание коровы в сенях. Мальчик тихонько спустился с полатей. В сенях надел кожух, взял ружье и лыжи и вышел во двор.

Утро было ясное. Пока Венька прикручивал веревкой лыжи к валенкам, начало светать. Впереди была еще погоня за подранком и долгое возвращение домой. Но в своей победе Венька ни на мгновение не сомневался.

Мой будущий отец проходил срочную службу в пограничных войсках на Дальнем Востоке. Помню, тогда в Криничном, он рассказывал о красотах Уссурийской тайги, которую он, как охотник, мог оценить лучше, чем кто-либо другой. Отслужив положенный срок, он возвращался домой. В пути их эшелон задержали и объявили, что началась война. Перед строем выступил пограничный начальник и предложил желающим пройти ускоренные курсы по подготовке офицеров.

Отец был в числе согласившихся. Учебу он проходил в Алма-Атинском погранучилище. Через полгода ему присвоили звание младшего лейтенанта и назначили командовать взводом снайперов на Калининском фронте.

После войны отец узнал, что из его сослуживцев, попавших на фронт летом 41-го года, в живых не осталось никого. Но и живым приходилось не сладко. Помню, когда мы ходили с ним в баню в Мукачево, я как-то обратил внимание на его расчесанные в кровь ноги выше ступней.

– Это моя памятка о фронте, – пояснил отец, – мы всю зи-

му просидели на передовой в окопе по колено в воде. Местность там была болотистая, и вода просачивалась даже в самый сильный мороз.

Вообще, он не любил рассказывать о войне. Пограничники были на передовой только во время нашего отступления и обороны. Когда Армия перешла в наступление, погранвойска пошли в арьергарде, очищая тыл от предателей и бандитов. Особенно жестокими, по его словам, были украинские националисты – бандеровцы.

После окончания войны и в период оккупации нашими войсками части Германии, отец некоторое время был комендантом небольшого городка. Однажды к нему пришел местный коммерсант и попросил продать ему цистерну спирта, которая стояла поблизости на путях.

– Херр коммерсант, – ответил ему отец, – Вы предлагаете мне деньги, но не представляете, что я могу делать с ними в нашей стране. Поэтому я могу предложить вам этого спирта ровно столько, сколько вы сами сейчас можете выпить.

Помню, как однажды под настроение он спел мне песенку из того времени:

Комм, паненка шляфен,
Морген будет брод.
Нечего бояться –
Сделаем аборт.

Мои будущие родители познакомились в голодном 1947 году в западно-украинском городке Каменец-Подольский, куда война забросила театр, в котором работала мама, и где отец, боевой офицер, проходил курсы переподготовки пограничников.

За две недели до выпуска офицеров начали обучать танцам.

Партнершей отца оказалось хрупкая от постоянного недоедания, неунывающая танцовщица, которая содержала на свою зарплату родителей и больного сына.

Через десять дней после знакомства отец сделал моей будущей маме предложение.

Он уже знал о назначении начальником заставы на сухопутной советско-турецкой границе.

– Никаких богатств я тебе не обещаю, но еды будет вдоволь, – сказал отец, который всегда говорил только правду.

Не стал он и скрывать, что на родине, в Павлово-на-Оке у него осталась неразведенная жена, жить с которой он не собирался, и, как потом выяснилось, с маленькой дочерью. Он расписался с ней сгоряча, после короткой побывки домой, в хмелю застолий не разглядев, какой стала после многих лет разлуки девушка, которая когда-то, еще задолго до войны, ему нравилась.

Застава отца находилась в Марадиди, и я, разумеется, ее совершенно не помню.

Российские пограничники размещались в этом районе

вплоть до 2008 года. По некоторым сведениям, Саакашвили уступил часть спорной территории близ села Кирнати, которое зарегистрировано как место моего рождения, Турции.

Отец рассказывал, что в горах неподалеку от заставы водилось множество диких кабанов, мясо которых приятно разнообразило небогатый рацион пограничников.

Встречались также и медведи. Во всяком случае, я помню себя играющим на шкуре добытого отцом косолапого.

Зимой выпавший снег укрывал заставу многометровым слоем, так что для того, чтобы попасть из казармы в столовую, солдаты копали тоннели.

Насчет питания отец оказался прав. Ягоды в горах произрастали в изобилии, и скоро в крепкой горбоносой молодице, собирающей на склоне дикий виноград или спускающейся на лошади в расположенный совсем неподалеку Батуми, было не узнать прежнюю изможденную танцовщицу.

Рождение сына мои родители встретили с радостью. Мама – потому что боялась, что и второй ее сын окажется безнадежно больным, а отец от души был горд своим первенцем. Встречая из роддома любимую жену, он подарил ей … петуха, а затем поднял меня голенького над головой, и я щедро окропил его рыжие «буденовские» усы и белый парадный китель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.